

ДЕТСТВО, УБИТОЕ ВОЙНОЙ

Жизнь на оккупированной территории, в прифронтовой полосе, ужасы концлагеря, рабский труд в Латвии – все это **Тамара Александровна Нагара** пережила, еще будучи ребенком.

Когда началась война, Тамаре Александровне было всего 10 лет. Ее семья жила в Новгородской области в деревне Пустыньки. В этой спокойной деревушке даже радио не было, поэтому о начале войны жители узнали не сразу, лишь через несколько дней, когда началось отступление, а мужчин стали забирать на фронт. Отца Тамары Александровны – Смирнова Александра Васильевича – тоже мобилизовали, направили в часть, которая занималась обеспечением армии продуктами питания.

– Мимо нашей деревеньки проходила шоссе́нная дорога, которая связывала железнодорожную станцию и районный центр город Холм, – вспоминает Тамара Александровна. – И вот по этой дороге с утра и до поздней ночи непрерывным потоком шла военная техника и колонны солдат. Я до сих пор помню их лица: усталые, грустные, с потухшим взглядом, как будто с похорон едут. Именно тогда и

Нагара Тамара Александровна, Латвия, 1945 г.

пришло осознание, какая огромная беда обрушилась на нашу страну.

Шли дни, а людской поток не прекращался. Над нашей территорией то и дело летали немецкие самолёты – стреляли по отступающим войскам, сбрасывали бомбы. Когда моя мама Анастасия Матвеевна спросила у военных: «А нам что делать?», они посоветовали как можно быстрее уходить подальше в тыл. Мы решили уехать на отдаленный хутор – раньше там жил до-

статочно зажиточный кулак, его раскулачили, сослали в Сибирь, а хозяйство осталось. Приезжаем, а там уже столько людей, что не то что лечь, присесть негде.

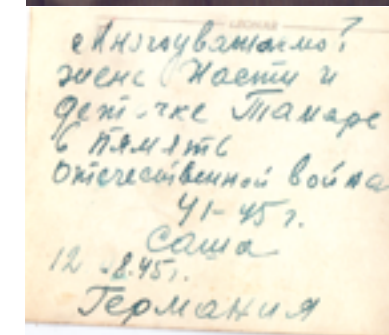
На этом хуторе мы прожили недолго. Однажды днем слышали шум моторов и поняли – это немцы. Приехало две машины, фашисты с автоматами ходили по домам и стреляли в кур и свиней. И тут они увидели мою двоюродную сестренку Настю, ей тогда было 18 лет, красавица невероятная. Немцы приказали ей идти с ними, гнать корову через лес. Женщины сразу смекнули: не корова им нужна. Вступились за Настю, говорили, любая из нас пойдет, только ее не трогайте. Даже соврали им, что девушка больна эпилепсией. Настя сообразила изобразить припадок. Только тогда немцы отступились и уехали. Вот какой была наша первая встреча с немцами.

По словам Тамары Александровны, жить на хуторе

больше было нельзя. Наступила осень, всю скотину съели, продукты на исходе, нужно уходить. Но куда? На месте деревни – пепелище: все дома немцы сожгли до основания, одни головешки остались. Решили поехать к тете в соседнюю деревню Бабино. Но вскоре и туда пришли немцы.

– В деревне находился пустующий коровник, в который фашисты согнали русских пленных – голодных и полураздетых. Спать им приходилось прямо на навозе: ни сена, ни соломы немцы подстелить не разрешили. Днем пленных выгоняли на колхозные поля собирать овощи. Это спасало их от голода: там они могли тайком хоть морковку съесть. Ведь немцы варили им только баланду из немойтой картошки, – продолжает Тамара Александровна. – Зимой до нас стали доходить сведения, что в соседних деревнях немцы расстреливают мирных жителей в отместку за вылазки партизан. Однажды мы слышали выстрелы вдоль шоссе́нной дороги. Мама с тетей закрыли дом, спрятали в снег все продукты, что не смогли взять с собой, и убежали к бабушке в соседнюю деревню. И сделали это вовремя: когда каратели пришли в Бабино, они собрали всех оставшихся жителей возле скотного двора и расстреляли. Тогда спаслись

только трое: два 17-ти летних паренька, которые сообразили спрятаться, и девочка лет пяти-шести – из-за маленького роста пули ее не задели. Всю ночь она пролежала на морозе под телами убитых. Когда ее нашли и привезли к нам в деревню, от пережитого шока она несколько дней не могла разговаривать, смотрела на всех пустыми, отрешенными глазами и ни на что не реагировала.

Продолжение на стр. 4 ➤

**Тамара Александровна (справа) с подругой.
Студенческие годы, г. Ленинград**

В деревню, где жила Тамара Александровна, периодически наведывались немцы. В соседнем хуторе засели немецкие снайперы. Наши солдаты много раз пытались штурмом взять этот хутор, но немцы просто «косили» их, не давая подойти ближе. Полегло там много советских солдат, вся земля вокруг хутора была укрыта серыми шинелями... Ближе к лету 1942 года Тамара Александровна с мамой снова вернулись в Бабино. К тому времени город Холм немцы сравнивали с землей. От красивого купеческого городка с четырьмя церквями осталась стоять только одна стена от тюрьмы.

Дорога в Латвию

- Однажды немцы собрали жителей со всей округи – говорит Тамара Александровна, – и под конвоем повели в

город Порхов Псковской области в концлагерь-распределитель. Как сейчас помню: вся территория огорожена колючей проволокой, немцы с собаками ходят, в огромных казармах нары в несколько рядов до самого потолка, все забито людьми. Тогда мы больше всего боялись неизвестности: слышали, что один состав с пленными немцы пустили под откос, второй – расстреляли, третий – отравили, четвертый – увезли в Германию. Не знаю, сколько времени нас продержали в концлагере. Потом погрузили в товарный вагон: щели между досками были в палец толщиной, а на улице уже почти зима. Куда нас везут, мы не знали. За все время пути нас никто не кормил, даже вагон ни разу не открывали.

Нас привезли в Латвию, в Латгалии, недалеко от белорусской границы, останови-

лись в здании школы. Со всех ближайших хуторов стали приходить люди и выбирать себе батраков. Нас осматривали как лошадей: здоровые ли, сможем ли много работать. Меня с мамой выбрали быстро: мама молодая, сильная, да и я уже большая, тоже могла помогать.

Хозяин нам попался хороший, не помню, чтобы он нас сильно обижал, даже ели с ним вместе за одним столом. Единственное – он не разрешал мне ходить в школу, так как нужно было работать. А однажды даже жизнь нам спас: немцы хотели отправить меня с мамой в концлагерь, а он уговорил их оставить нас у него в работниках. Если бы увезли, то живыми не остались бы.

Все эти годы мой отец воевал на фронте, был лейтенантом, писарем при штабе, с боями дошел до Берлина. И постоянно пытался найти нас с мамой. Кто-то из знакомых подсказал ему поискать в Латвии. Осенью 1944 года отцу дали 10-тидневный отпуск и он приехал к нам. Вы не представляете, какой трогательной была встреча. К тому времени мы уже ушли от хозяина, жили на хуторе. Папа настоял, чтобы я, несмотря на возраст, продолжила учебу. И в 15 лет я пошла учиться в 5 класс.

Послевоенная жизнь

После окончания войны папу Тамары Александровны комиссовали не сразу, в Берлине еще оставались советские войска. Когда наконец отпустили, он поехал в Латвию, в город Даугавпилс, в райком партии. Так как до войны отец был председателем колхоза и сельсовета, его назначили секретарем парторганизации Робекниекской волости, в которую входили 4 сельсовета и несколько десятков хуторов. Предыдущего се-

кретаря убили бандиты, а здание администрации сожгли.

- Страшно вспомнить, как мы тогда спали: ставни наглухо закрыты, у отца под подушкой пистолет, а рядом автомат и граната. Вроде и война кончилась, а у нас просто второй фронт, потому что в лесах оставалось еще много немцев, – рассказывает Тамара Александровна.

Школу она заканчивала в Латвии, а поступать решила в Ленинград, поближе к родным местам. Знакомые посоветовали ей идти в Библиотечный институт: конкурс там небольшой, есть шансы поступить. Это позже она узнала, что таких институтов на всю страну было всего три: в Харькове, в Москве и Ленинграде, и выпускников, как правило, направляли в республиканские и областные библиотеки. Но ей не повезло: именно тот год, когда Тамара Александровна заканчивала институт, стал годом усиления села. Поэтому её распределили в село Парабель на севере Томской области. В те годы добраться туда можно было только на пароходе или самолете.

- Приезжаю и вижу: здание библиотеки сгорело, книги, которые чудом удалось спасти из огня, разместили в здании бывшего магазина. В стенах такие щели – птицы залетали. На улице зима, морозы, а в помещении такой холод, что чернила в ручках замерзали. – вспоминает она. – Отработала я здесь несколько месяцев и стала писать письма в Министерство культуры, чтобы меня перевели в другое место. Так я оказалась в Кемерово, стала работать инспектором по библиотекам в областном управлении культуры.

Когда родился сын и стало сложно ездить в частые командировки, Тамара Александровна перешла в научную библиотеку КемГУ, где и проработала заведующей

**Нагара Т. А с семьей сына,
Молдавия, 2003 г.**

15 лет. Затем она возглавляла Областную профсоюзную библиотеку. А после выхода на пенсию ее пригласили работать в Областную клиническую больницу заведующей лекционным залом, где она трудилась более 15 лет. Общий стаж работы – 48 лет!

В этом году Тамаре Александровне исполнится 85 лет, сейчас она живет одна: сын Эдуард в Молдавии, старший внук Максим – в Киеве, а младший внук Андрей – в Москве. Каждый год она летает к ним в гости. На долю Тамары Александровны выпало много испытаний, но они не сломили ее, а наоборот научили стойкости, мужеству и оптимизму.

**Нагара Т. А с сыном,
Молдавия г. Сороки, май 2015 г.**

Нагара Т. А. с сыном Эдиком, 1961 г.